ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА В СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Многоязычен Кавказ. Здесь представлены языки индоевропейские (русский, армянский, осетинский, талышский), тюркские (азербайджанский, кумыкский) и иберийско-кавказские (грузинский, занский или мегрельско-чанский, сванский, абхазский, адгейский, кабардинский, бацбийский, кистинский, аварский, даргинский, лакский, лезгинский, удинский и др.).

Основной задачей грузинских языковедов, естественно, является изучение иберийско-кавказских языков, что прежде всего необходимо в целях развития социалистической культуры народов, говорящих на этих языках. Помимо того, иберийско-кавказские языки представляют исключительный интерес с точки зрения культурно-исторической (поскольку ставится вопрос о взаимоотношении живых иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии — об этом см. ниже) и с точки зрения общелингвистической (вопросы происхождения и развития грамматических категорий падежа, личного спряжения, залогов, грамматического рода, синтаксических конструкций и т. д. находят ценнейший материал для правильной постановки и надлежащего освещения в фактах данных языков).

* * *

Планомерная, систематическая работа в области языкознания началась лишь в Советской Грузии¹ в Тбилиском университете, основанном в 1918 г по инициативе проф. И. А. Джавахишвили, в советские годы ставшем одним из крупных государственных университетов Советского Союза.

Лингвистические кафедры Тбилисского государственного университета им. Сталина (кафедры новогрузинского языка, древнегрузинского языка, кавказских языков общего языкознания и фонетики, семитических языков и др.) и Институт языкознания Академии Наук Грузинской ССР руководят воспитанием новых языковедческих кадров.

Коллектив грузинских лингвистов ныне насчитывает 5 действительных членов Академии Наук Грузинской ССР (из общего числа — 40 действительных членов), 9 докторов филологических наук и 42 кандидата (из них в университете и Институте языкознания работают 9 докторов и 29 кандидатов филологических наук).

Центром научно-исследовательской работы по языку является Институт языкознания АН Груз. ССР, зародившийся в недрах Института языка, истории и материальной культуры, организованного в 1936 г. по инициативе Л. П. Берия (и возглавлявшегося акад. С. Н. Джанашиа до 1941 г., когда этот Институт разделился на Институт языка им. Н. Я. Марра — ныне Институт языкознания — и Институт истории им. И. А. Джавахишвили).

Институт языкознания работает в составе шести отделов: 1) картвельских языков (зав. — проф. В. Т. Топуриа), 2) горских кавказских языков (зав. — проф. А. С. Чикобава), 3) ближневосточных языков (зав. — проф. Г. В. Церетели), 4) общего языкознания и фонетики (зав. — проф. К. В. Ломтатидзе), 5) лексикологии (зав. — канд.

¹ В годы царизма языковедческая работа в Грузии велась спорадически, отдельными филологами, преданными делу, тружениками науки (М. А. Джанашиа, С. Горгадзе, П. Чарая и др.).

филол. наук С. Б. Ментешавили), б) научной терминологии (зав. — проф. В. М. Беридзе).

Работы в области языкознания, как было сказано выше, определялись тремя основными задачами, внутренне связанными между собою;

- 1) разработка основных вопросов советского общего языкознания;
- 2) разработка узловых проблем истории иберийско-кавказских языков в свете задач, выдвигаемых научным обоснованием места грузинского и родственных с ним языков среди языков хеттско-иберийского круга;
- 3) обслуживание практики культурного строительства в области языка.

* * *

Общее языкознание. Без ясно осознанных правильных теоретических установок невозможна плодотворная научно-исследовательская практика. Без историзма нет науки о языке — это положение было исходным в работе Института с самого начала его деятельности. Изучением истории языков, различных по происхождению и по грамматическому строю, установлен факт фундаментального значения: слова одного корня могут измениться до неузнаваемости (к примеру, сванское *დიდილ* — «луна» и грузинское *თვე* — «месяц» — одного и того же корня, хотя в их современной форме нет ни одного общего звука); и, наоборот, слова, не имеющие ничего общего между собою по происхождению, в результате фонетических изменений могут приобретать одинаковую звуковую форму. Не зная истории языкового факта, нельзя правильно судить о нем. Понятно поэтому, что все успехи в изучении языков связаны с должным применением принципа историзма; пренебрежение этим принципом (или ограниченная возможность его применения по обстоятельствам объективного порядка) неизбежно приводило к неудачам. Познавательная сила историзма проверена двояко: позитивно — исторический подход к фактам языка сделал возможным зарождение языкознания; негативно — отход от историзма расшатывает самые основы науки о языке, изгоняя закономерное и насаждая произвол (в расчленении слов и толковании расчлененного).

Такой подход к языку вовсе не снимает вопроса о необходимости описательного, статического, анализа системы языка. Этот анализ, служа отправным пунктом для истории языка, совершенно необходим; следовательно, ссылкой на важность истории никак нельзя отмахиваться от сложных вопросов статического анализа. Статический анализ — необходимый, но далеко не достаточный момент в изучении языкового факта.

Изучение истории языков привело к установлению родства языков по происхождению, к созданию генеалогической классификации языков и к выработке сравнительно-исторического метода, при помощи которого устанавливалась общность происхождения языков. Родство языков по происхождению, генеалогическая классификация языков и сравнительно-исторический метод внутренне связаны между собой и с исторической точкой зрения на язык. Нельзя защищать историзм, отказываясь от родства языков по происхождению и сравнительно-исторического метода. Советская лингвистика должна отстаивать принцип историзма в его диалектико-материалистическом истолковании. Таковы были установки Института.

Понятно, что из таких установок неизбежно вытекало отрицательное отношение к палеонтологическому элементному анализу акад. Н. Я. Марра и к положениям так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, добытым при помощи элементного анализа (каковы стадияльная классификация языков, единый глоттогонический процесс с единым, т. е. общим для всех языков земного шара, исходным материалом — четырьмя элементами). В элементной палеонтологии Н. Я. Марра налицо демонстративный отказ от историзма во имя доистории, палеонтологии речи, толкуемой неисторически, изучаемой ненаучно.

Еще в 1930 г. было сформулировано положение: пока «новое учение» о языке Н. Я. Марра орудует элементным анализом, ни о каком марксисте теории Марра речи быть не может. Никакая лингвистика, — тем более марксистская лингвистика, — несовместима с элементной палеонтологией Н. Я. Марра (А. С. Чикобава).

Отрицательное отношение к ненаучной элементной палеонтологии «нового учения» о языке «ученики» и последователи Н. Я. Марра пытались квалифицировать как борьбу против марксистских основ «нового учения» Марра. В действительности же именно интересы построения советского, материалистического языкознания требовали отрицания, а не признания элементной палеонтологии Марра, которая могла лишь дискредитировать советскую науку о языке. И, наоборот, интересы советского языкознания требуют от отрицания, а утверждения принципа историзма, понятого диалектико-материалистически. Советское языкознание должно строиться на принципах диалектического материализма, на положениях классиков марксизма-ленинизма по вопросам языка.

Так понимались задачи советского языкознания. Этим определялось критическое отношение и к теории Н. Я. Марра и к различным течениям зарубежной идеалистической лингвистики. Этим же определялось и направление научно-исследовательской работы по иберийско-кавказским языкам и попытки решения основных вопросов советского общего языкознания.

Эти принципы положены в основу работы А. С. Чикобава «Общее языкознание». Первая пропедевтическая часть опубликована в 1935 г. (третье издание — в 1946 г.)²; вторая часть («Основные проблемы») появилась в 1945 г.

Первая часть «Общего языкознания» состоит из «Введения» и двенадцати глав; в I главе (стр. 7—52) дается определение языка, излагаются вопросы происхождения языка и принципы его развития; главы II—VIII (стр. 52—176) посвящены отделам языкознания; в главах IX и X (стр. 176—234) изложены морфологическая и генеалогическая классификация языков; последние две главы (стр. 234—240) посвящены определению места языкознания в системе наук, а также выяснению прикладного значения языкознания.

В докладе А. С. Чикобава «Проблема языка как предмета лингвистики в свете основных задач советского языкознания» (читанном в мае 1949 г. в Отделении литературы и языка АН СССР³) дан критический анализ основных направлений зарубежной идеалистической лингвистики, с одной стороны, и «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра — с другой.

В параграфах 6 и 7 тезисов доклада говорится: «Палеонтологический элементный анализ яфетической теории, выдвигаемый в качестве антитезы сравнительно-исторического анализа языков, является стовым хребтом нового учения о языке, определяя собой основные установки яфетической теории. В частности, отрицание генеалогической классификации и противопоставление ей стадийной классификации непосредственно вытекают из противопоставления палеонтологического метода сравнительно-историческому... Палеонтологический анализ, опирающийся на недоказанное и недоказуемое учение о четырех лингвистических элементах, антиисторичен; он ведет к обезличению языков; он беспомощен в изучении живых языков и в обслуживании неотложных нужд культурного строительства страны социализма. Яфетическая теория с четырехэлементным палеонтологическим анализом не только не является марксистско-ленинским учением о языке, но и не может им стать, пока она орудует палеонтологическим методом: от четырехэлементного анализа нет пути к марксистско-ленинской теории».

Такая оценка «нового учения» о языке Н. Я. Марра разделялась рядом ведущих работников ИЯИМК и являлась впоследствии установкой Института языка. Печатное выражение это нашло, в частности, в «Кратком отчете о работе ИЯИМК 1936—1944 гг.» акад. С. Н. Джанашиа (Изв. ИЯИМК, т. XIV, стр. 384). Определенно отрицательная характеристика стадийной теории Марра дана акад. С. Н. Джанашиа и в «Истории Грузии» (русс. перевод, 1946, стр. 17).

Во второй части «Общего языкознания», озаглавленной «Основные проблемы» (1945), рассмотрены проблемы предмета и специальных методов языкознания. В критической части (стр. 11—157) дан анализ натурализма (Шлейхер, М. Мюллер), индивидуалистического психологизма (Г. Пауль, младограмматики), психологистического социологизма (де Соссюр, Мейе), структурализма (Брендалль, Ельмслев), эстетизма (Фосслер) и механистического материализма (Н. Я. Марр.). В позитивной части (стр. 138—198) дана попытка обосновать основные положения о сущности языка на основе исследовательской практики исторического языкознания. В главе, посвященной специальным методам языкознания (стр. 199—356), дан подробный разбор палеонтологического элементного анализа Н. Я. Марра (стр. 231—273).

Эта вторая часть «Общего языкознания» подвергалась яростным нападкам «учеников» и последователей Н. Я. Марра.

Из конкретных проблем общего языкознания за отчетный период предметом систематического анализа служила проблема классификации языков. Генеалогической классификации языков была посвящена кандидатская диссертация Т. С. Шарадзенидзе (1942). Ею же монографически разработаны: морфологическая классификация языков, классификация Шмидта, классификация Сешира, стадийная классификация акад. Н. Я. Марра и акад. И. И. Мещанинова. Результаты проведенной работы обобщены в монографии доц. Т. С. Шарадзенидзе «Классификация языков и их принципы».

Методологические вопросы описательного (статического) анализа языковой системы рассматриваются во вводной части (стр. 1—134) монографии А. С. Чикобава «Проблема простого предложения в грузинском языке» (1948), а также в статье того же

² Ныне подготовлено новое, переработанное издание.

³ Опубликован в 1941 г. в Изв. ИЯИМК, т. X, стр. 355—405.

автора «Основные вопросы структуры грамматики» (Сообщения Грузинского филиала АН СССР, 1940, № 2).

Большое внимание уделялось вопросам ф о н е т и к и, как общей, так и иберийско-кавказских языков. Кабинет экспериментальной фонетики, организованный при Университете проф. Г. С. Ахвледиани и руководимый им же, служил базой как научно-методической, так и научно-исследовательской работы. Соответствующая работа подытожена в университетском курсе фонетики проф. Г. С. Ахвледиани, первое издание которого («Вопросы грузинской и общей фонетики») вышло в свет в 1938 г., а второе, дополненное и частично переработанное, выпущено университетом в 1949 г. под заглавием «Основы общей фонетики». Первая часть этой работы (стр. 1—258) состоит из «Введения» и десяти глав, а именно: 1. Естественно-научные основы общей фонетики; 2. Классификация звуков; 3. Звукосочетание; 4. Количество или длительность звуков; 5. Ударение; 6. Слог; 7. Звуковой состав грузинского языка в сравнении с русским; 8. Речевой звук и письмо; 9. Фонетические изменения языка; 10. Закономерность звукоизменений и «фонетический закон».

Вторую часть (стр. 259—420) составляют статьи по разным вопросам фонетики («Несколько вопросов фонологии», «Некоторые вопросы чередования звуков в грузинском языке», «Две системы гармонических смычных в грузинском языке», «Шестая тройка грузинских смычных» и т. д.). Большая часть этих статей была опубликована раньше. Об этой, второй, части автор книги пишет в предисловии: «Вторая часть — «Некоторые проблемы общей фонетики» — содержит обсуждение ряда преимущественно общefonетических вопросов; большинство их поставлено автором впервые в нашей науке и рассмотрено им на материале, главным образом грузинско-картвельских и горских языков; некоторые же из них, трактовавшиеся в фонетической литературе и прежде, рассматриваются автором главным образом на том же материале и по большей части в новом освещении (статьи III, IV, VII, VIII, X, XII, XIII, XVI, II, IX, XIV, XV). В остальных же четырех статьях (I, V, VI, XI) второй части «Основ» автор не претендует на новизну ни постановки, ни освещения рассматриваемых в них вопросов.

Результаты экспериментального исследования одного из картвельских языков подытожены в докторской диссертации проф. С. М. Жгенти «Основные вопросы фонетики сванского языка» (1949 г.). Об этом см. ниже, в разделе «Картвельские языки».

Борьба «учеников» и последователей Н. Я. Марра, добивавшихся моношляхного положения для элементной палеонтологии и в этих целях шельмовавших все, не «согласное с «новым учением» о языке Н. Я. Марра, как идеалистическое, реакционное, буржуазное, особенно обострилась за последние годы и привела к тому, что со всей решительностью встал вопрос о путях развития советского языкознания. Об этом идет речь в дискуссионной статье А. С. Чикобава «О некоторых вопросах советского языкознания», опубликованной в газете «Правда» 9 мая 1950 г.

Однако Институт не смог уяснить всю глубину порочности так называемого «нового учения» Н. Я. Марра, антимарксистский характер которого стал понятен для всех лишь после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Основополагающие работы И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания», «Ответ товарищам», опубликованные в 1950 г. в связи с дискуссией, вскрыли упрощенческий, вульгарно-материалистический характер так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра, дали глубоко научное обоснование узловых, принципиальных вопросов общего языкознания и тем самым заложили марксистские основы советской науки о языке для мощного подъема лингвистической мысли.

* * *

Изучение картвельских и других иберийско-кавказских языков ставило целью:

а) дать, в первую очередь, анализ грамматического строя и лексики грузинского языка, занского (мегрельско-чанского) языка и сванского языка с их наречиями и говорами;

б) разработать сравнительную грамматику и сравнительный словарь картвельских языков с целью выявления начального корнеслова и восстановления древнего грамматического строя их в перспективной научной постановки и решения проблемы генетической связи картвельских языков с древними языками Передней Азии (хеттскими, хуррийским, урартским, эламским и др.) и Средиземноморья (баскский — на Пиренейском полуострове, древний этрусский язык — в Италии).

Древние языки Передней Азии, равно как живые иберийско-кавказские языки (картвельские и горские иберийско-кавказские языки), не могут быть отнесены ни к индоевропейским, ни к семитическим, ни к тюрко-татарским языкам. Они составляют само-

стоятельную группу языков древнейшего — доиндоевропейского, досемитического — населения Кавказа, Передней Азии и Средиземноморья⁴. Такое мнение, поддерживаемое рядом крупных лингвистов и историков, подсказывается как культурно-историческим контекстом, так и грамматическим строем данных языков. Но факты древних языков, ныне представленных лишь в письменных памятниках (надписях), трудно интерпретировать, даже трудно в точности установить, как звучали фиксированные в памятниках древние тексты; к тому же их сравнительно мало. С другой стороны, живые иберийско-кавказские языки, прошедшие различные исторические пути развития и претерпевшие многообразные изменения, мало изучены. В этих условиях многочисленные попытки сравнивать отдельные факты древних языков с «близкими» по внешнему, звуковому, облику фактами того или иного иберийско-кавказского языка обычно выглядят неубедительно. Даже такой знаток иберийско-кавказских языков, как акад. Н. Я. Марр, находил возможным увязывать показатель множественного числа — *pe* сузских (эламских) надписей с чанским суффиксом множ. ч. *pe* (*охоцере* «дома») — см. Н. Я. Марр, Грамматика чанского языка, 1910, стр. XI. Но чанский показатель множественности — фонетический вариант грузинского суффикса-*eb* (*эб*), и, следовательно, с сузским нужно сопоставлять этот исходный вариант (*eb*), а не его последующую, из него полученную фонетическую разновидность [не говоря уже о том, что в чанском языке суффиксом множ. ч. в именах служит *ep* (*эн*), а не *pe* (*нэ*): конечный *e* в *p-e*) — чанская флексия именительного падежа].

Стало быть, необходимо предварительно дать научную историю картвельских и других иберийско-кавказских языков, привести показания их грамматического строя и лексики к «общему историческому знаменателю» и тем подготовить возможность закономерного сравнения фактов иберийско-кавказских языков с фактами древних языков Передней Азии и древнего Средиземноморья.

В этой связи история картвельских языков приобретает исключительное значение, поскольку один из картвельских языков, г р у з и н с к и й, документируется с V в. и, следовательно, удастся проследить его историю документально на протяжении пятнадцати веков (баскский фиксирован в памятниках письменности лишь с XVI в.; лексические записи по горским иберийско-кавказским языкам идут со второй половины XVIII в.). История грузинского языка выступает в роли надежной опоры при разработке истории иберийско-кавказских языков; с другой стороны, показания младолитературных и бесписьменных иберийско-кавказских языков представляют исключительную ценность, поскольку в них сохранились те или иные архаические явления, некогда характерные и для картвельских языков.

Поэтому не в о з м о ж н о, с одной стороны, разрабатывать научную историю горских иберийско-кавказских языков без учета показаний грузинского и других картвельских языков; с другой стороны, не в о з м о ж н о восстанавливать древнейшие этапы истории картвельских языков без привлечения материалов родственных горских кавказских языков.

С точки зрения результатов, полученных в процессе исследования грузинского языка, показательны следующие работы:

«Грузинская грамматика. I. Морфология» (1930) проф. А. Г. Шанидзе, и второе, переработанное, значительно дополненное издание того же труда — «Основы

⁴ Характерно, например, такое высказывание автора «Введения в изучение кавказских языков» А. Дирра (1928 г.). Он пишет: «На сегодняшний день в кавказском языке в широком смысле слова причисляют целую серию переднеазиатских и средиземноморских языков, из которых лишь один единственный, баскский язык продолжает еще жить... А. Тромбети в своем труде *Glottologie* (т. I, стр. 104)... представляет положение вещей в следующем виде: «Мы должны согласиться с Шухардтом и другими исследователями в том, что в области Кавказа сконцентрировались народы, которые раньше были распространены на значительно более широкой территории, и что часть этих народов была впитана другими племенами. Новейшие исследования, как видно, в действительности сходятся на том, что с исконной кавказской группой языков более или менее непосредственно связаны следующие языки, которые я делю на три группы:

I. 1) халдский... 2) митавни, 3) эламский, 4) хеттский и арзави. II. 1) аборигенные малоазийские языки (ликийский, лидийский, карийский, мизийский...), 2) этрусский и лемнийский, 3) критский. III. иберийский и баскский (Введение, стр. 26—27).

За последние 20 лет стало распространяться мнение, будто хеттские языки являются индоевропейскими. Указывают на индоевропейский характер морфологии одного из языков Хеттского государства, — неситского.

Нельзя считать собственно хеттские языки индоевропейскими, поскольку протохеттский («перво-хеттский») язык и ныне никто не считает индоевропейским. Да и в самом неситском языке лексика не считается индоевропейской — более того, даже не все факты морфологии объясняются из индоевропейского материала.

Таким образом, собственно хеттские языки остаются в кругу древнейших, неиндоевропейских, несемитических и нетюркских языков Передней Азии.

грузинской грамматики», вып. I, II, изд. 1942—1943 гг. (стр. 1—272; стр. 273—371). В работе подытожены исследования автора по отдельным морфологическим категориям (субъективных и объективных лиц, версий, залогов и т. д.), которые велись проф. А. Г. Шанидзе в продолжение двадцати с лишним лет. Положения иллюстрируются удачно подобранными примерами. Краткая грамматика грузинского языка (изд. 1930 г.) охватывает фонетику и морфологию; новый вариант (изд. 1942—1943 гг.) еще не закончен (в нем представлены фонетика и основная часть морфологии), но и в этом виде «Основы грузинской грамматики» представляют собою наиболее подробный университетский курс морфологии современного грузинского литературного языка.

В 1931—1932 гг. В. Т. Топурия и А. Г. Шанидзе был составлен краткий учебник грузинского языка для студентов заочного педагогического института. В учебнике была изложена несколько схематически, но в легко обозреваемой форме морфология современного литературного грузинского языка.

В ряде статей А. С. Чикобава (под общим заглавием «Особенности грамматической структуры грузинского языка», 1929—1930 гг.) дана характеристика особенностей склонения имен, спряжения глаголов и синтаксической связи слов, обусловленной наличием субъектно-объектного спряжения в грузинском глаголе.

Общая лингвистическая характеристика грузинского языка дана в вводной статье А. С. Чикобава к первому тому Толкового словаря грузинского языка (1950, стр. 18—80).

В плане изучения фонетики грузинского языка следует отметить: установление процесса «редукции гласных» (усечение гласного исхода, стягивание основы) и условий его проявления (проф. А. Г. Шанидзе. К этимологии слова *celiqadi* — «год», Ежегодн. Груз. лингв. об-ва, I/II, 1925), установление системы троечных и парных согласных, выявление абруптивных согласных и определение особенностей их артикуляции, обоснование закономерности сочетаний согласных децессивного ряда (проф. Г. С. Ахведиани, Основы общей фонетики).

Изучению грамматического строя древнегрузинского языка и вопросам исторической грамматики грузинского языка посвящен ряд монографий.

«Субъективный префикс второго лица и объектный префикс третьего лица» (докт. диссертация А. Г. Шанидзе, 1920) путем подробного анализа многообразных данных древнегрузинских памятников устанавливает формулы использования префиксов *x*-, *h*-, *s*- в спряжении древнегрузинского глагола. Предположение о пережиточном характере префикса *x* (*x-ar* — «ты еси»), высказанное автором, нашло подтверждение в ханмотных текстах, открытых в 1923 г. проф. И. А. Джавахишвили в древнегрузинских палимпсестах.

В работе «Проблема простого предложения в грузинском языке. I. К вопросу о подлежащем и дополнении в древнегрузинском языке» А. С. Чикобава (1928) ставит целью дать систематический анализ особенностей синтаксической связи слов в предложениях с двухличным переходным глаголом (эргативная конструкция) и с двухличным непереходным глаголом. В работе установлено, что полиперсональный глагол (субъектно-объектное спряжение) в морфологии грузинского языка с внутренней необходимостью порождает в синтаксисе сложную синтаксическую связь глагола с субъектом и объектом — взаимное управление («координацию»), причем принципиальная разница между субъектом и объектом как синтаксическими понятиями снимается.

В работе А. С. Чикобава «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках» (1942) в связи с проблемой эргативной конструкции анализируется вопрос о взаимоотношении именной и глагольной основ в процессе их исторического формирования. Путем сравнительно-исторического анализа основ грузинского и других картвельских языков установлено: 1) «историческая недифференцированность имени и глагола в картвельских языках, причем в процессе дифференциации исходным служит значение «именное» (стр. 280); 2) простые по составу ныне именные основы оказались производными. В их составе обнаружены детерминативные суффиксы как в полном виде, так и в усеченном, а также префиксы, указывавшие на то, относится ли данный предмет к категории человека или к категории вещей; 3) выделены показатели грамматических классов человека и вещей в картвельских языках. Ныне грамматические классы («роды») в морфологии картвельских языков не различаются, так же как не прослеживаются они и в древних языках Передней Азии, зато сохранились в большинстве горских кавказских языков. Выявление древнейшей структуры именных основ актуально как с точки зрения исторического взаимоотношения картвельских языков с древними языками Передней Азии, так и с точки зрения генезиса эргативной конструкции.

Наличие окаменелых показателей категории вещи вскрыто в основе грузинских глаголов *t-kwa* — «он сказал», *d-gas* — «стоит» (проф. В. Т. Топурия); префиксом *t* ← *d* обозначался грамматический класс объекта в именительном падеже, факт исключительной важности с точки зрения генезиса спряжения грузинского глагола («Глаголь с префиксом *t* ← *d* в грузинском языке», Труды Тбил. госуд. ун-в. им. Сталина, XXV, 1942).

В работе А. С. Ч и к о б а в а «Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка» (1948) выявлено наличие одной лишь эргативной конструкции в спряжении грузинских переходных глаголов в те периоды, когда конъюгационные основы выражали аспекты (длительный и моментальный), а не времена. Номинативная конструкция при переходных глаголах — явление вторичное, в грамматической же структуре грузинского языка она представлена при непереходных глаголах, существуя параллельно с эргативной конструкцией. Номинативная и эргативная конструкции исторически восходят к индефинитной конструкции.

Ценным вкладом в изучение грамматической системы древнегрузинского языка являются кандидатские диссертации И. И. Кавтарадзе, А. И. Кизирия, А. Г. Мартиросова, С. Е. Чхенкели, К. С. Дзоценидзе, И. В. Имнайшвили, А. П. Джишиашвили, Г. В. Гониашвили и др.

Предметом кандидатской диссертации И. М. Гигинейшвили служит образование производных основ в Вепхис-Ткаосани. Фонетические, морфологические и синтаксические особенности грузинских памятников XVI—XVIII вв. монографически изучались И. И. Кавтарадзе, А. Г. Мартиросовым, А. И. Кизирия, И. М. Гигинейшвили и др.

Ценные для исторической грамматики грузинского языка наблюдения содержат к себе статьи проф. А. Г. Шанидзе: «Личный показатель в склоняемом слове в картвельских языках» (1936, Труды Унив.); проф. В. Т. Топурия: «Префиксы *ne-, ni-, na-* (Труды Унив., VII, 1938), «Аффиксы *-ed, -ur, -r* (Изв. ИЯИМК, V/VI, 1940), «О древнейшей суффиксации глагола в грузинском» (Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 5, 1942); «К вопросу о редукции гласных в картвельских языках» (Ибер.-кавк. языкозн. I); проф. К. С. Кекелидзе: «О синтаксических функциях послелогов *zeda, tana, cinaše* в древнегрузинском языке» (Сообщ. АН Груз. ССР, 1942, № 2, 3); А. Г. Мартиросова «Послелог в грузинском языке» (Ибер.-кавк. языкозн., I, 1946); проф. К. Д. Дондуа: «Об отношении относительного местоимения к определяемому слову в древнегрузинском языке» (Изв. ИЯИМК, V/VI, 1949) и др.

Изучению наречий и говоров грузинского языка уделялось много внимания — вначале Грузинским лингвистическим обществом (1923—1928), в дальнейшем — Университетом и Институтом языкознания. Изучались диалекты: картлийский, кахетинский, ингилойский, ферейданский, тушинский, мтиульский, пшавский, хевсурский, мохевский, джавахский, имеретинский, гурийский, аджарский, рачинский и др. Результаты исследований диалектов публиковались в виде статей, а в отдельных случаях представляли собой кандидатские диссертации (работы: В. Н. Панчвидзе — об имеретинском диалекте, С. М. Жгенти — о гурийском, К. А. Гугушвили — о мохевском, П. Р. Хубутия — о тушинском, Р. Б. Гамбашидзе и Г. М. Имнайшвили — об ингилойском, О. И. Кахадзе — о лексике злачных растений по данным картлийского, кахетинского и рачинского наречий и т. д.).

По диалектам собрано и частично издано значительное количество текстов.

Разработаны и изданы диалектологические словари: кизикский словарь — С. Б. Ментешавили, гурийский — Г. Д. Шарापидзе, верхне-имеретинский — В. В. Церетели, лентхумский — М. Н. Алавидзе. Начато систематическое изучение лексики основных районов Картли и Кахети (М. В. Месхипшвили, Т. Н. Берозашвили, М. Лашаури и др.).

Особо следует отметить издание памятников древнегрузинской письменности, осуществленное под редакцией проф. К. С. Кекелидзе, проф. А. Г. Шанидзе, проф. И. В. Абуладзе, ст. научн. сотр. М. Л. Кахадзе, проф. С. Г. Каухчипшвили, акад. С. Н. Джанашиа и др. Ценнейшие документы истории древнегрузинского языка представляют собою ханмэтные и хаэмэтные тексты, открытые проф. И. А. Джавахишвили и проф. А. Г. Шанидзе в 1923 г. Ханмэтные и хаэмэтные тексты изданы частично И. А. Джавахишвили, частично — А. Г. Шанидзе.

В ряде статей И. А. Джавахишвили, А. Г. Шанидзе, К. С. Кекелидзе и других дана попытка интерпретировать ханмэтные и хаэмэтные тексты с точки зрения исторического развития грузинского языка.

Акад. И. А. Джавахишвили было положено начало разработке документированного исторического словаря грузинского языка. Собран большой материал, подлежащий дальнейшей обработке. Доц. И. В. Имнайшвили составлено ценное справочное пособие: «Симфония-словарь к грузинскому четвероглаву» (под редакцией А. Г. Шанидзе, 1949).

С 1945 г. развернулась работа по составлению «Толкового словаря грузинского языка». Работой руководит специальная комиссия при Президиуме Академии Наук Груз. ССР (председатель комиссии — проф. А. С. Чикобава). Словарь рассчитан на восемь томов, он будет включать около 125 тысяч слов (т. е. всю основную часть лексики современного литературного грузинского языка) и отобразит интенсивное развитие лексики грузинского языка за Советский период на основе могучего подъема хозяйства и культуры социалистической Грузии. В словаре подобающее место отводится лексическому богатству грузинского глагола. Словарь документирован выражениями из

произведений классиков грузинской литературы XIX в. (Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели), из произведений известного педагога Я. Гогешавили, а также из лучших образцов советской прозы и поэзии, из произведений классиков марксизма, специальной научной литературы и т. д.). Уже закончен толкованием основной словарь — 118 тысяч слов. В марте 1950 г. вышел первый том словаря (буквы А—Б, 44 печ. л.; главный редактор и редактор первого тома — проф. А. С. Чикобава). В марте 1951 г. вышел второй том словаря (буква Г, 50 печ. л., редактор второго тома — проф. Г. В. Церетели). Заканчивается печатанием третий том (редактор — проф. В. Т. Топурия), подготавливаются к печати тома четвертый и пятый. Подготовкой словаря к печати руководит главная редакция в составе: Г. С. Ахвледиани, С. М. Вачнадзе, И. Г. Гришашвили, В. Д. Купрадзе, Г. Н. Леонидзе, Т. Н. Ломоури, С. Б. Ментешавили, В. Т. Топурия, Г. В. Церетели, А. С. Чикобава. Подготовка словаря к печати, начиная с 1950 г., осуществляется силами Института языкознания.

Значительные успехи достигнуты в изучении сванского языка, его четырех диалектов, данные которых представляют большой интерес с точки зрения истории грузинского языка. Правильно ориентироваться в сложных фактах морфологии сванского языка стало возможным благодаря ценному исследованию проф. А. Г. Шанидзе «Умлаут в сванском» (1925, Сб. «Арпи»). В 1931 г. вышла большая монография В. Т. Топурия «Сванский язык, I. Глаголь», в которой дается глубокий и точный анализ сложной системы спряжения сванского глагола. В ней рассмотрены все категории глагола (лицо, число, время, наклонение, залог), отглагольные имена (масдар, причастие) — по нормам всех четырех диалектов сванского языка, причем основные явления сванского спряжения сопоставляются с соответствующими фактами грузинского языка. «Сванский глагол» В. Т. Топурия служит настольной книгой для всех специалистов, интересующихся историей картвельских языков. Отдельных вопросов фонетики и морфологии сванского языка касаются статьи В. Т. Топурия «Еще раз об умлауте в сванском языке» (Изв. Унив., VII, 1927), «К чередованию *r* и *l* в сванском глаголе» (Труды Унив., XVIII, 1941); проф. К. Д. Дондуа «К вопросу об особой форме множественного числа в сванских терминах родства» (в серии «Материалы по истории Грузии и Закавказья», VII, 1937); доц. Т. С. Шарадзенидзе «Отрицательные частицы в сванском» и т. д.

Результаты экспериментального исследования звуковой системы сванского языка представлены в монографии проф. С. М. Жгенти «Основные вопросы фонетики сванского языка» (1949, докт. диссертация). В работе анализируется сванский вокализм (стр. 7—39), сванский консонантизм (стр. 129—157); рассмотрены также фонетические процессы сванского языка (стр. 151—194).

В 1939 г. вышло два тома сванских текстов: «Сванская поэзия» под редакцией А. Г. Шанидзе, В. Т. Топурия и М. К. Гуджежиани (с грузинским переводом); «Сванские прозаические тексты», без перевода, под редакцией А. Г. Шанидзе и В. Т. Топурия. В прозаических текстах представлен материал верхнебалльского наречия. По точности записи тексты удовлетворяют строгим требованиям лингвистики и представляют большую ценность.

Из чанских диалектов особое внимание уделялось изучению чанского (лазского), менее изученного и менее доступного изучению, поскольку Лазистан после Первой мировой войны оказался почти целиком в пределах Турции.

Опубликованы чанские тексты по всем говорам: хопские тексты (А. С. Чикобава, 1929), вицские, аркабские и атинские тексты (как приложение к «Грамматическому анализу чанского диалекта» А. С. Чикобава, 1936), «Чанские тексты, аркабский говор» (С. М. Жгенти, 1939). Все эти тексты записаны среди лазов, проживавших или проживающих в Грузии. В 1939 г. были изданы «Чанские тексты», записанные покойным проф. И. А. Кипшидзе в 1917 г. в Лазистане (предисловие и вводная статья редактора А. С. Чикобава). Они дают материал по всем чанским говорам и представляет собой контрольный материал при оценке чанских текстов, записанных в Грузии (кстати, после проверки оказавшихся вполне надежными для характеристики речи чанов из центральных районов Лазистана).

В 1936 г. появился «Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта» А. С. Чикобава, где рассмотрены фонетика, морфология и основные синтаксические явления чанского диалекта в сопоставлении с аналогичными данными мегрельского и грузинского, причем дается попытка выяснения исторического места анализируемого факта; работа носит сравнительно-исторический характер. В фактической части новым является выяснение системы спряжения в так называемой третьей группе времен (она осталась вне поля зрения в «Грамматике чанского языка» Н. Я. Марра из-за недостаточности привлекавшегося к анализу материала). Отклонение от норм картвельских языков в построении предложения с переходным глаголом — наличие эргативной конструкции в настоящем времени, — дающее повод к недоразумениям, объяснено, как явление вторичного порядка — образование по аналогии (стр. 221—222).

Логическим продолжением «Грамматического анализа чанского диалекта» служит «Чанско-мегрельско-грузинский словарь» А. С. Чикобава (1938), который снабжен русским переводом трактуемых слов. Из выводов следует отметить положение.

«Чанский и мегрельский являются по отношению друг к другу диалектами одного и того же языка; этот факт выступает несравненно более наглядно на фоне анализа лексики, чем... на фоне анализа фонетических, морфологических и синтаксических явлений... Занский язык обособился в результате дифференциации грузинского языка (точнее, того языка, непосредственным продолжением которого является грузинский язык); в процессе же дифференциации занского языка формировались чанский и мегрельский диалекты занского языка. Чем глубже проникаем мы в прошлое этих языков, тем теснее связь между занским и грузинским языками, тем ближе оказываются чанский и мегрельский друг к другу» (стр. 445—446).

Отдельных вопросов морфологии занского языка касаются статьи В. Т. Топуриа: «Суффикс *enʒ* в мегрельском» (Изв. ИЯИМК, I, 1937), «К генезису некоторых падежей в мегрельско-чанском языке» (там же). Отдельной книгой вышли «Мегрельские тексты» [М. Н. Хубуа (1937)].

* * *

Изучение родственных с картвельскими языками горских кавказских языков велось в плане решения основной задачи — разработки научной истории иберийско-кавказских языков. До 1933 г. изучался лишь абхазский язык (Д. И. Гулиа, С. Н. Джанашиа), ныне работа ведется по всем основным языкам и ряду малых языков, а именно: абхазскому (проф. К. В. Ломтатидзе, Х. С. Бгажба, Б. В. Шинкуба, Ш. Б. Джанашиа), адыгейскому и кабардинскому (доц. Г. В. Рогава), кистинскому (ст. научн. сотр. Д. С. Имнайшвили), бацбийскому (доц. Р. Р. Гагуа), аварскому (А. С. Чикобава, И. И. Церцвадзе), лакскому (проф. В. Т. Топуриа), даргинскому с кубачинским (ст. научн. сотр. Ш. Г. Гаприндашвили, А. О. Магомедов), лезгинскому (доц. В. Н. Панчвидзе), удинскому (доц. В. Н. Панчвидзе, доц. Е. Ф. Джейранишвили), цахурскому (доц. Е. Ф. Джейранишвили), будухскому (доц. В. Н. Панчвидзе), капучинскому или хванскому (канд. филол. наук Э. А. Ломтатидзе), дидойскому (ст. научн. сотр. Д. С. Имнайшвили), андийскому (доц. И. П. Церцвадзе), ботлихскому и тиндийскому (канд. филол. наук Т. Е. Гудава), ахвахскому и каратинскому (канд. филол. наук Э. М. Магомедбекова).

Написаны две докторские и 10 кандидатских диссертаций по этим языкам. Кандидатские диссертации: «Образование времен в абхазском глаголе» К. В. Ломтатидзе (Изв. ИЯИМК, т. I, 1937), «Полиперсонализм в глаголах нижне-адыгейского языка» Г. В. Рогава (Изв. ИЯИМК, XII, 1942), «Фонетические особенности пудахарского диалекта даргинского языка» Ш. Г. Гаприндашвили (Изв. ИЯИМК, XII, 1942), «Анцухский диалект аварского языка» И. И. Церцвадзе (Иберийско-кавказское языковед., II, 1948) «Обстоятельственные частицы в абхазском глаголе» (Х. С. Бгажба) и др.

Докторская диссертация проф. К. В. Ломтатидзе «Тапантийский диалект абхазского языка» (1944, стр. 236+144) показательна для научного уровня, который может быть достигнут в изучении сложнейших по своей фонетической и морфологической системе языков данного круга. Докторская диссертация доц. В. Н. Панчвидзе «Грамматический анализ удинского языка» подытоживает работы, которые были выполнены автором в процессе изучения удинского языка.

Важное значение с точки зрения истории иберийско-кавказских языков имеет факт выявления доц. Г. В. Рогава окаменелых префиксов категории грамматических классов в адыгейском языке, ныне не знающем такой грамматической категории.

Работы К. В. Ломтатидзе «Функции редупликации в абхазском языке» (Изв. ИЯИМК, V/VI, 1940), «Категория единичности и образующие ее аффиксы в абхазском языке» (Изв. ИЯИМК, т. X), «Категория переходности в абхазском языке» (Изв. ИЯИМК, т. XII), «Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка» (Сообщ. АН Груз. ССР, т. III), «Об одной фонетической закономерности в абхазских диалектах» могут быть признаны образцовыми исследованиями на базе основательного знания и глубокого понимания фактов живой речи.

Исследования в области грамматического строя иберийско-кавказских языков — склонения имен и спряжения глаголов — объединялись проблемой эргативной конструкции. Из опубликованных статей конкретных вопросов данной проблемы непосредственно касаются: «К проблеме эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты данной конструкции» А. С. Чикобава (Изв. ИЯИМК, XII), «К вопросу о полиперсонализме в аварском языке в связи с проблемой эргативной конструкции» А. С. Чикобава (там же, X), «Из истории эргатива в аварском языке» А. С. Чикобава (Изв. Дагест. базы АН СССР, 1948), «Бессубъектные формы абхазского переходного глагола» К. В. Ломтатидзе (Иберийско-кавказское языковед., II), «К генезису аккумулятива в удинском языке» В. Н. Панчвидзе (Изв. ИЯИМК, V/VI), «Эргатив и инструменталис в бацбийском языке» Р. Р. Гагуа (Иберийско-кавказское языковед., II).

Установлено, что эргативная конструкция не является ни пассивной, ни активной (она индифферентна): переходный глагол эргативной конструкции исторически в залоговом отношении не был дифференцирован. Эргативный падеж не является косвенным падежом.

Проблема истории грамматических классов рассматривается в ряде статей: «Грамматические классы и их экспоненты в лакском языке» (В. Т. Топурия, Изв. ИЯИМК, XII), «Дательный падеж с классными показателями в анпухском диалекте аварского языка» (И. И. Церпвадзе), «К истории грамматических классов в аварском языке» (А. С. Чикобава, Изв. ИЯИМК, т. I) и т. д.

Установлено, что второй грамматический класс — явление новой формации; соответствующий формант представляет собой фонетический вариант грамматического экспонента четвертого класса, класса вещей.

Звуковой состав и звуковые процессы горских кавказских языков анализируются в ряде работ Г. С. Ахвледиани, Г. В. Рогава, К. В. Ломтатидзе, И. И. Церпвадзе, Ш. Г. Гаприндашвили и др.; выполнено несколько работ о лексических взаимоотношениях горских иберийско-кавказских и картвельских языков (А. С. Чикобава, С. Н. Джанашиа, Г. В. Рогава, Е. Ф. Джейранишвили и др.).

Из словарей особо следует отметить «Бацбийско-грузинско-русский словарь» Н. Д. Кадагидзе, богато иллюстрированный выражениями из живой речи.

В аспекте древней истории иберийско-кавказских языков безусловно интересным надо признать открытие албанского алфавита в 1938 г. проф. И. В. Абуладзе (см. И. В. Абуладзе «К открытию алфавита кавказских албанцев», Изв. ИЯИМК, IV, 1939, и А. Г. Шанидзе «Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки», там же). Судя по составу албанского алфавита, звуковая система древнего албанского языка (на Кавказе) сильно напоминает звуковую систему некоторых из современных дагестанских языков.

В 1937 г. было опубликовано капитальное исследование акад. И. А. Джавахишвили «Первоначальная природа и родство грузинского языка с кавказскими», задуманное автором в качестве одного из разделов «Введения в историю грузинского народа». Опираясь на наличные данные специальной литературы, как новой, так и старой (к сожалению, не всегда требуемой точности), автор дает научную этимологию ряда именных основ в картвельских языках, выделяя в составе простых ныне основ префиксы грамматических «родов». Путем кропотливого методического анализа имен числительных, местоимений и ряда глагольных основ акад. И. А. Джавахишвили приходит к выводу о генетическом родстве грузинского (и остальных картвельских языков) с горскими кавказскими языками, которые он называет савроматскими.

Положение о генетическом родстве картвельских и горских кавказских языков, **утверждаемое** маститым историком, находит полное подтверждение в специальных исследованиях по истории грамматической структуры и лексики иберийско-кавказских языков. Это положение можно и нужно считать исходным в сравнительно-исторических исследованиях по языкам хеттско-иберийского круга.

Каковы общие выводы?

В результате проведенных исследований установлено:

1. Звуковой состав картвельских языков, в частности грузинского (минус аффрикаты, плюс фарингальные), наиболее близок к исходному для иберийско-кавказских языков состоянию и без труда сближается с звуковым составом древних языков Передней Азии.

Сложная звуковая система ряда иберийско-кавказских языков (от 46 до 85 фонем!) — явление вторичное.

2. Стечение согласных в основе слов, как правило, явление вторичное. Стечение согласных вызвано или выпадением гласных в определенных условиях или наращением аффиксов.

3. Корень, как правило, состоит из одного согласного и денкτικής частицы — детерминатива основы.

4. Префиксация является основным морфологическим принципом, как для иберийско-кавказских, так и для древних языков Передней Азии.

Суффиксация, где она ныне наблюдается (например, в склонении имен), — явление вторичное.

5. Именная и глагольная основы вначале не дифференцированы (могут оформляться одними и теми же аффиксами).

6. В процессе дифференциации глагол оформляется раньше имени: спряжение предшествует склонению.

7. Грамматические классы человека (личности) и вещи различались во всех иберийско-кавказских языках. Там, где их в настоящее время нет (грузинский, занский, санский, адыгские, лезгинский, удинский и др.), налицо явление вторичного порядка: анализ основ обнаруживает окаменелые форманты грамматических классов.

В древних языках Передней Азии (урартском, хеттских), где также не различаются грамматические роды, по всей видимости, имеем положение, аналогичное положению в картвельских языках.

8. Категория грамматических классов пронизывала всю морфологическую систему: склонение, спряжение, образование основ. Конкретные классные варианты как падежей, так и отглагольных имен предшествовали абстрактным.

9. Из падежей наиболее древними оказываются родительный и дательный. Эргативный (повествовательный) и именительный оформились позднее в результате наращивания местоименных частиц на основу.

10. Залоговых различий не было: имелись переходные и непереходные глаголы, но переходный глагол тем самым не являлся глаголом действительного залога. Основа переходного глагола в залоговом отношении индифферентна (нейтральна).

11. Эргативная конструкция предшествовала номинативной при переходных глаголах; при непереходных глаголах номинативная конструкция — явление древнее. Обе конструкции ведут начало от индефинитной.

Самый существенный результат общего характера: чем дальше удастся проникнуть в глубь истории иберийско-кавказских языков, тем ближе они оказываются друг к другу и к древним языкам Передней Азии. Сравнительно-исторический анализ выявляет исконную близость (сходство) там, где с первого взгляда, казалось бы, нет ничего общего, где, казалось бы, налично полное расхождение.

Стало быть, чем лучше будет исследована история наших языков, тем яснее будет проступать генетическая общность хеттско-иберийских языков (А. С. Чикобава, Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик, Иберийско-кавказское языкозн., II, 1948).

* * *

За последние тридцать лет в Грузии получила развитие новая отрасль науки — востоковедение.

В Институте языка, истории и материальной культуры АН Грузинской ССР с 1936 г. существует Отдел языков Ближнего Востока, в котором в основном была сосредоточена вся научно-исследовательская работа в области изучения языков и народов Востока.

Работа отдела велась, в соответствии с поставленными перед ним задачами, по двум направлениям: 1) изучение генетических и культурно-исторических связей грузинского языка с языками Ближнего Востока и 2) изучение структуры ряда восточных языков.

Грузинские востоковеды уделяли особое внимание древним языкам Переднего Востока, которые, отличаясь по своей структуре от языков индоевропейских, семитических и других языковых семейств, обнаруживают вместе с тем определенное сходство с картвельскими языками. Указанной проблеме были посвящены отдельные исследования, монографии и статьи, в которых рассмотрены вопросы генетических и культурно-исторических связей между языками хеттско-иберийской группы. В работе акад. С. Н. Джанашиа «Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока» рассматривается ряд вопросов истории хурритов (субарийцев) и даны новые соображения для локализации ряда топонимических терминов, упоминаемых в анналах ассирийского царя Саргона II (VIII в. до н. э.) и других памятниках и оближаемых автором с грузинскими названиями. Автор обращает также внимание на родственные по своей структуре явления в картвельских языках, а также в хурритском и протохеттском. В другой работе, посвященной изучению генезиса грузинских этнических терминов, акад. С. Н. Джанашиа дает на основании грузинских материалов новое объяснение названия народа, обладающего иероглифическим хеттским письмом.

Значительная работа проведена по изучению урартского языка. Проф. Г. В. Церетели издал в 1939 г. урартские надписи, хранящиеся в Государственном музее Грузии. Наряду с переводом и подробными комментариями автор дает анализ структуры урартского глагола и указывает на его сходство с грузинским. Доц. П. Н. Ушаков посвятил ряд статей вопросам генезиса индоевропейских и картвельских племен в связи с хеттской проблемой и указывает на ряд фактов, свидетельствующих о сходстве протохеттского и хурритского языков с грузинским. Доц. Г. А. Меликишвили посвящает свои работы изучению языка и истории урартийцев и вопросу об их культурно-исторических связях с картвельскими племенами. Ассистент В. А. Гвахария написал исследование, касающееся вопросов взаимоотношения урартских и ассирийских идеограмм и детерминативов.

Особо следует отметить исследование эпиграфических памятников, обнаруженных при археологических раскопках в Млхета и имеющих исключительное значение для изучения культурной жизни и государственного строя Грузии в первых веках н. э.

Как выяснило специальное исследование (проф. Г. В. Церетели), письмо обнаруженных при раскопках в Мидхета надписей представляет собой своеобразную ветвь арамейского письма, известного в настоящее время в науке под названием армазского. В связи с открытием армазского письма был вновь поставлен вопрос о происхождении грузинского письма. В специальном исследовании, посвященном этому вопросу, проф. Г. В. Церетели усматривает генетическую связь армазского письма с грузинским, которое в некоторых случаях обнаруживает большую архаичность, чем армазское.

Грузинские арабисты вели успешную работу по изучению классического арабского языка. Вопросам структуры арабского глагола, а также других частей речи посвящен ряд ценных работ доц. А. С. Лекиашвили. Предметом специального изучения является также язык документов, писанных по-арабски и касающихся истории народов Кавказа (проф. Г. В. Церетели, Т. С. Маргвелашвили). Ассистент Л. Г. Чвалашвили посвятила свои труды исследованию вопросов классической арабской поэзии. Ей же принадлежит художественный перевод прогрессивного арабского писателя Таха Хусейна. Значительная работа проведена по изучению арабских диалектов (проф. Г. В. Церетели, доц. В. Г. Ахвледiani). Изучение вновь открытых в Средней Азии (Узбекская ССР) арабских диалектов в значительной степени является заслугой грузинских арабистов. Ездившей в Среднюю Азию в 1935 г. экспедиции грузинских арабистов удалось установить наличие двух самостоятельных арабских диалектов, генетически связанных с бедуйскими диалектами Ирака.

Тбилиси является одним из немногих научных центров, где ведется планомерное изучение современных арамейских диалектов, в частности языка урмийских арамейцев. Доц. К. Г. Церетели посвятил ряд исследований фонетическим и морфологическим особенностям этого языка.

Велась также работа по изучению иранских языков. Проф. Г. С. Ахвледiani посвящает ряд исследований изучению древнеперсидских клинописных текстов, а также Авесте. Ему же принадлежит ряд статей по осетинскому языку (Тройного рода *t* в осетинском языке, 1923; *Dativus praedicativus* в осетинском языке, 1923). К истории осетинского языка, I, 1935; «Ялгузидзе и его труды», II, 1936, и др.).

Грузинские туркологи (С. С. Джикия) опубликовали ряд турецких исторических документов, касающихся Грузии. Особо следует отметить «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета» (т. I, 1941 и т. II, 1947, доц. С. С. Джикия). Значение этого издания определяется содержащимися в нем весьма ценными материалами относительно различных сторон исторической жизни Грузии и Турции. Помимо того, что этот памятник, составленный турецкими официальными кругами, неоспоримо подтверждает непререкаемые исторические права Грузии на исконные грузинские территории, хищнически отторгнутые Турцией, он является документом, имеющим исключительную ценность для изучения вопросов грузинско-турецких политических и культурно-исторических взаимоотношений в XVI в. Ряд работ посвящен изучению структуры и истории турецкого языка.

Проведена большая работа по составлению учебников для изучения языков Востока. В настоящее время подготовлены и частично опубликованы следующие учебники и учебные пособия: Арабская хрестоматия, Арабско-грузинский словарь к хрестоматии (проф. Г. В. Церетели), Парадигмы глагольных форм классического арабского языка (доц. А. С. Лекиашвили), Древне-еврейская хрестоматия со словарем (проф. Г. В. Церетели), Арамейская хрестоматия со словарем (доц. К. Г. Церетели), Персидская хрестоматия (проф. Ю. И. Абуладзе), Персидские тексты (доц. В. С. Пугридзе), Турецкая хрестоматия (С. С. Джикия) и т. д.

Значительная работа проведена также по подготовке кадров. В Тбилисском государственном университете им. Сталина и в Институте языковедения АН Грузинской ССР работает ряд молодых специалистов по всем важнейшим отраслям востоковедения.

* * *

Начало интенсивной разработки грузинской научной терминологии тесно связано Великой Октябрьской социалистической революцией. Вначале дело создания и вообще упорядочения грузинской научной терминологии было поручено Государственному ученому Совету (ГУС) под председательством акад. И. А. Джавахишвили.

В 1925 г. разработка грузинской научной терминологии перешла в ведение особой организации — Центрального научного терминологического комитета (ныне Отдела научной терминологии Института языковедения). С 1925 г. и до настоящего времени руководит разработкой научной терминологии проф. В. М. Беридзе.

За этот период Отдел научной терминологии разработал терминологию по различным отраслям науки и техники, большая часть которых ранее не имела научной традиции. Опубликовано 26 отраслевых терминологий (под редакцией В. М. Беридзе), нашедших широкое практическое применение.

Таковы: 1. Математическая терминология (1925); 2. Строительный словарь (1926); 3. Терминология профессий (1928); 4. Терминология физики и электротехники (1928);

5. Счетная терминология (1928); 6. Терминология литературы и языкознания (1928); 7. Терминология нормальной анатомии (1930); 8. Терминология библиотекведения, библиографии и полиграфического производства (1932); 9. Терминология клинического акушерства и гинекологии (1934); 10. Техническая терминология (1935); 11. Материалы социально-экономической терминологии (1936); 12. Сельскохозяйственная терминология. I. Растениеводство (1938); 13. Сельскохозяйственная терминология. II. Энтомология (1938); 14. Геологическая и палеонтологическая терминология (1941); 15. Техническая терминология для ремесленных училищ (1942); 16. Математическая терминология (1945); 17. Учетная терминология (1946); 18. Краткая горно-техническая терминология (1947); 19. Экономическая терминология (1947); 20. Медицинская терминология (1947); 21. Радиотехническая терминология (1947); 22. Автотракторная терминология (1950); 23. Металлургическая терминология (1949); 24. Терминология почвоведения (1950); 25. Терминология учета и статистики (1950).

Из числа поименованных особо следует отметить:

«Терминологию нормальной анатомии» (составитель проф. А. Н. Нативили), в свое время служившую почти единственным научно-терминологическим подспорьем в медицине;

«Терминологический словарь по библиотекведению, библиографии и полиграфическому производству» (составленный коллективом специалистов);

«Техническую терминологию» (составленную коллективом специалистов), которая разрабатывалась на протяжении ряда лет и до настоящего времени служит сводом основных терминов почти по всем отраслям техники. Многие термины «Технической терминологии» широко употребительны и вошли в литературный обиход грузинского языка;

«Растениеводство» (А. К. Макашвили), разработанное в основном на базе народной лексики сельского хозяйства;

«Геологическую терминологию» (составители — Г. А. Ломтатидзе, М. В. Попхадзе и др.), разработанную тщательно по всем разделам геологии;

«Медицинскую терминологию» (составитель проф. З. Н. Майсурадзе), в которой широко использованы богатые материалы грузинских письменных источников и грузинской народной лечебной терминологии;

«Экономическую терминологию» (составители П. К. Гугушвили и П. Кучаидзе), которая охватывает большой фактический материал.

«Автотракторную терминологию» (составитель В. П. Омиадзе), являющуюся известным показателем роста этой важной области технических наук, и др.

По линии обслуживания нужд культурного строительства нашей страны, помимо терминологической работы, следует отметить работу по унификации норм современного грузинского литературного языка. Еще в 1936 г. Наркомпросом был опубликован сборник: «Нормы литературного грузинского языка» с докладами по спорным вопросам литературного языка и с соответствующими постановлениями, обязательными к руководству.

С 1946 г. при Академии Наук Грузинской ССР создана «Государственная комиссия по унификации норм литературного грузинского языка» (председатель — акад. С. Н. Джанашиа, после его смерти в 1947 г. — проф. А. Г. Шанидзе).

Комиссия подготовила к опубликованию новое издание «Сборника норм по спорным вопросам».

Составлена «Грамматика грузинского языка» (I. Морфология, II. Синтаксис, проф. А. Г. Шанидзе) для средней школы; «Грамматика русского языка» для грузинских школ (проф. Г. С. Ахвледиани, 1942).

Издан «Орфографический справочник грузинского языка» (проф. В. Т. Топуриа и доп. И. М. Гигинейшвили).

Изданы школьные словари: «Русско-грузинский» (проф. В. Т. Топуриа и проф. С. Г. Каухчишвили) и «Грузинско-русский» (проф. Г. С. Ахвледиани и проф. В. Т. Топуриа). Изданы «Русско-грузинский словарь» (проф. Г. С. Ахвледиани и С. Г. Иорданшвили, т. I А — З, 1931, 358 стр.; т. II И — Н, 1936, 392 стр.), «Русско-грузинский словарь» (проф. Ю. И. Абуладзе, 1926), а также учебные словари: французско-грузинский, немецко-грузинский, англо-грузинский и др.

Изданы: «Словарь иностранных слов» (И. Имедашвили, 1928), «Словарь иностранных слов» (проф. Г. С. Ахвледиани, 1931).

Издан «Словарь фигуральных выражений грузинского языка» писателя Ф. Сахokia (1950); «Словарь синонимов грузинского языка» (А. Нейман, 1951).

Издан двухтомный «Грузинско-русский словарь» К. Датикашвили под редакцией доц. С. М. Вачнадзе (1948).

Тбилиским университетом имени Сталина издан большой однотомный «Русско-грузинский словарь» (1937, 1132 стр.).

Ныне готовится новое издание большого однотомного Русско-грузинского словаря (редактор нового издания — проф. Г. С. Ахвледиани); вслед за тем будет приступлено к составлению четырехтомного Русско-грузинского и Грузинско-русского словарей.

* * *

Выше дано обозрение основных результатов языковедческой работы в Советской Грузии. Сделано немало, но проделанная работа оказывается далеко недостаточной, если сравнить ее с тем, что нужно было сделать. Особенно мало сделано по изучению истории картвельских и других иберийско-кавказских языков.

Слов нет, нелегко было работать в этой области, когда господствовала элементарная палеонтология Н. Марра, когда генеалогическая классификация языков, родство языков по происхождению и сравнительно-историческое изучение языков квалифицировалось последователями Марра, как формализм, буржуазный компаративизм, расизм и т. д. и т. п.

Классический труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» избавил советское языкознание от господства антимарксистской теории Н. Марра и, заложив подлинно научные, марксистские основы языкознания, открыл новые перспективы мощного развития языковедческой мысли.

Ныне грузинские языковеды в тесном сотрудничестве со всеми советскими языковедами свои коллективные усилия направляют на то, чтобы преодолеть имеющееся отставание, чтобы создать работы, достойные Сталинского этапа в языкознании.

А. С. Чикобава, Г. В. Церетели, В. М. Беридзе

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

В 1951 г. Орфографическая комиссия АН БССР опубликовала «Проект изменений и уточнений белорусского правописания», который вызвал большой интерес со стороны общественности республики. На страницах республиканской печати началось оживленное обсуждение «Проекта». В адрес Орфографической комиссии стали поступать многочисленные письма с критикой «Проекта» и с конкретными предложениями позитивного характера.

Институт языкознания АН БССР провел в Минске итоговую научную конференцию, посвященную обсуждению вопросов современной белорусской орфографии. Конференция проходила 25—26 января 1952 г., в ней приняли участие представители партийных и советских организаций республики, работники высших учебных заведений и научных учреждений, преподаватели педагогических училищ, газетные и издательские работники, а также представители Института языкознания АН СССР и Института языкознания АН УССР.

Конференцию открыл вице-президент АН БССР, действ. член АН БССР К. М. Мицкевич (Якуб Колас).

В своем вступительном слове он отметил, что конференция собралась в весьма знаменательное для языковедческой науки время. В 1950 г. появились гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, которые обосновали марксистскую теорию общего языкознания, вооружили советских ученых действенной программой для успешного разрешения как теоретических, так и практических вопросов языкознания, покончили с антимарксистской теорией Н. Я. Марра.

Развивая и направляя марксистское языковедение, товарищ Сталин заботится о подъеме культуры всех народов Советского Союза. Его отеческую заботу ежедневно чувствует и белорусский народ.

1 октября 1951 г. ЦК ВКП(б) принял решение о создании в системе Академии Наук БССР Института языкознания. Это постановление — большое событие в научной и культурной жизни белорусского народа. Оно создает все условия для успешного развертывания научно-исследовательской работы в области изучения грамматического строя и основного словарного фонда белорусского языка, в разработке вопросов истории и диалектологии, лексикологии и лексикографии.

Одной из важнейших задач белорусского языкознания является уточнение и нормализация современной белорусской орфографии, придание ей устойчивости и единообразия.

Современная белорусская орфография, к сожалению, не вполне отвечает этим требованиям. Свидетельством этого является разнобой в написании одних и тех же слов в разных газетах, журналах и даже учебниках. Поэтому Орфографическая комиссия АН БССР пересмотрела правила правописания, принятые в 1933 г., и сочла необходимым изменить и уточнить некоторые из них. «Проект изменений и уточнений белорусской орфографии» и выносится на обсуждение конференции. К. М. Мицкевич (Якуб Колас) выразил уверенность, что конференция, руководствуясь великим учением